

Хестер была рассержена. Она работает по утрам в будние дни стоматологической медсестрой в крупной местной клинике. Она работает не полный рабочий день, но, тем не менее, ей приходится совмещать эту ежедневную работу с уборкой дома и другими домашними обязанностями по отношению к своей семье.

"Беспокойный народ", - пробормотала она про себя.

Она только что вернулась домой после работы и покупки продуктов и обнаружила, что на кухне царит полный беспорядок. Посуда была сложена в раковине и на столешнице. Раковина была наполовину заполнена холодной жирной водой. Посудомоечная машина не была опорожнена, а на разделочной доске лежали остатки буханки. Кто-то, скорее всего ее муж, делал сэндвич и оставил беспорядок, к тому же хлеб зачерствел от пребывания на воздухе. Она выбросила четверть буханки в мусорное ведро.

Последней каплей стало обнаружение кучи грязного белья в подсобном помещении. Почему они даже не могут запустить стирку? с досадой подумала она.

Вслух она воскликнула: "Ублюдки!". Ей было приятно так обращаться к ним, особенно к мужу. Именно на него она больше всего обижалась, а не на своих детей. Она могла простить Билли и Мэри их роль в этой неразберихе. На самом деле она прощала их каждый день. Билли был водопроводчиком и пытался начать свой собственный бизнес, поэтому, когда ему звонили, он должен был ехать. А Мэри, с тех пор как после развода она вернулась домой, чтобы начать жизнь заново, пыталась закончить курсы медсестер. Они оба работали тяжело, ненормированный рабочий день, и Мэри тоже приходилось работать по сменам. Они заслуживали того, чтобы о них заботились, или так считала Хестер.

С другой стороны, Джеймс был просто шовинистическим ублюдком. Хестер слабо улыбнулась этому оскорблению. Этот человек был таким разочарованием. Он ожидал викторианскую жену, которая будет бегать за ним по пятам. Ладно, он работал по сменам и иногда работал утром, днем или ночью. Но это не давало ему повода ничего не делать по дому.

Он даже не выполняет свои обязанности мужа. подумала Хестер с внезапным всплеском эмоций. Слезы навернулись ей на глаза, когда она подумала о плачевном состоянии их брака. Они не были в объятиях друг друга уже более восьми лет. Когда-то между ними была страсть. Джеймс был романтичным, даже хорошим и внимательным любовником. Но это умерло. На смену ему пришел религиозный пыл, который она не могла разделить. Он начинал как член церковной общины, просто помогал, как он говорил. Затем он стал посещать библейские занятия с молодыми матерями и учиться на священника. Хестер просто не могла понять, что побудило его к этому. Она, конечно, не могла в этом участвовать. Эта разница вбила клин, и они отдалились друг от друга. Лучше было бы разъехаться или развестись, но Хестер хотела, чтобы у ее детей был крепкий семейный очаг. А Джеймс хотел сохранить видимость. И это тоже было неплохо. Хотя Мэри было уже 29 лет, она вернулась домой после развода, и теперь ей нужно было жить там, пока она заканчивала обучение. Билли тоже зависел от семейного очага, пока 21-летний парень развивал свой бизнес.

Дома у Джеймса и Хестер все получалось. В основном они были вежливы друг с другом.

Джеймс переехал в спальню для гостей. Оправданием была его сменная работа и необходимость спать в неурочное время. Но на самом деле это устраивало их обоих, поскольку они больше не хотели делить постель. Конечно, это было постепенное принятие. Хестер скучала по сексу. У нее всегда было сильное либидо. В первые дни отчуждения она часто бросала Джеймсу вызов, особенно если выпивала немного.

"Почему ты больше не трахаешь меня?" - требовала она.

"Пожалуйста, Хестер, ты же знаешь, что я презираю непристойности", - был его типичный ответ.

'О, простите меня, преподобный, - передразнивала его Хестер, - я забыла, что вы слишком святы в наши дни, чтобы делать что-то столь постыдное'.

'Это вы ведете себя постыдно'.

О, пожалуйста, я просто следую своим Божьим желаниям. Это ты ведешь себя неестественно".

Часто она прижималась к нему: "Бог дал тебе член, не так ли? А мне он дал пизду. Конечно, если ты трахаешь меня, ты просто исполняешь Его волю".

Иногда она хватала его член через одежду, и иногда он становился твердым. Может, мне встать на колени и пососать тебя?" - дышала она ему в лицо. Потом ты можешь повернуть меня и трахнуть меня сзади. Тебе даже не придется меня целовать, - по ее лицу часто текли слезы, - просто введи в меня свой большой член и трахни меня жестко. Трахай меня, пока я не кончу! Сделай это, Джеймс, пожалуйста, удовлетвори меня еще раз".

Но Джеймс никогда не делал этого. Он просто отталкивал ее и ругал за ее поведение. Обычно тогда Хестер злилась и ругала его: "Я полагаю, ты трахаешь одну из тех маленьких сучек, которые бегают вокруг церкви. Это то, что ты делаешь на своих библейских собраниях? Ты читаешь им лекции, а они смотрят на тебя росистыми глазами и мочат свои трусики? Может, ты их всех трахаешь? Так что ли?"

Это почти всегда заканчивалось одинаково. Хестер доводила Джеймса до предела, и он бил ее по лицу. Не сильно и не злобно, просто достаточно, чтобы она замолчала. Она уходила в постель. Когда все было плохо, она мастурбировала, чтобы уснуть. У нее это неплохо получалось. Она знала, что ее тело и ее пальцы скоро заставят ее вздыхать от глубокого удовлетворения. Чаще всего это срабатывало. В остальное время она пила. Никогда не напивалась до гнилого состояния, но достаточно, чтобы уснуть; несколько бокалов вина делали свое дело. Тогда она крепко спала.

Конечно, она не обходилась без этого. Хотя Хестер был уже пятьдесят один год, у нее все еще было красивое лицо, которое подчеркивали короткие волосы цвета клубничной блондинки. У нее также была хорошая фигура. Конечно, она уже не была такой, как в 18 лет, но чье тело

можно назвать идеальным? После рождения двух детей она набрала несколько килограммов (ну, может быть, больше, чем несколько). Но у нее все еще была хорошая фигура. Ее полная грудь и широкие бедра просто контрастировали с тонкой талией. Ее ноги всегда были ее лучшей чертой, и они по-прежнему были прекрасны. Дополнительный вес только подчеркивал их стройность. Она знала, что на нее часто смотрят с восхищением. Ее форма стоматологической медсестры была достойной и скромной, но хорошо подчеркивала ее фигуру. Был вариант с брюками и туникой и вариант с платьем в стиле туники, которое доходило чуть ниже колен. Она предпочитала этот вариант и носила его чаще всего. Это принесло свои плоды.

Тремя годами ранее к ним приехал молодой ирландский стоматолог, который проходил практику по обмену. У него была небольшая нагрузка, поэтому Хестер было удобно работать его ассистентом, так как количество приемов пациентов совпадало с ее рабочим графиком. Они с самого начала хорошо ладили. Хестер заботилась о нем и приглашала его к себе домой на обед. Время от времени она даже стирала для него белье. Он был красивым молодым человеком с вьющимися каштановыми волосами и пронзительными голубыми глазами. Его глубокий певучий голос был теплым и завораживающим. У него также было дьявольское чувство юмора и самая нахальная ухмылка, которую вы когда-либо видели. Хестер влюбилась в него. Их отношения на работе искрились электричеством. Она убеждала себя, что влечение к нему было просто матросским, но вскоре его лицо появилось в ее мастурбационных фантазиях. Но даже тогда она отнеслась к этому как к глупой влюбленности. Но когда однажды вечером он пригласил ее в свою квартиру, чтобы поблагодарить за доброту, она оказалась в его объятиях и в его постели.

Еда была едва тронута. Они выпили по бокалу вина, и она стояла с ним на кухне открытой планировки, пока он делал последние приготовления. Он был уверен в себе и с чувством юмора. Они смеялись, и она касалась его руки или плеча каждый раз, когда он проходил мимо нее. Стола не было, поэтому они сидели за барной стойкой на высоких табуретах, и ему пришлось помочь ей подняться, его руки задержались на ее бедрах. Она сделала замечание по поводу старости.

"Ерунда, у тебя отличная фигура", - похвалил ее Райан.

Раньше была. Раньше у меня тоже были отличные ноги", - Хестер понимала, что ловит комплименты.

Я думаю, что у тебя отличные ноги".

'Правда?'

Конечно, вы сексуальная женщина, Хестер".

Хестер сделала паузу, прежде чем промолвить: "На мне чулки".

Эта фраза повисла между ними, как неразорвавшаяся бомба. Хестер, честно говоря, не помнит,

кто двигался первым. Только то, что они целовались. Она сидела на высоком табурете, а он стоял. Его руки скользнули по ее бедрам, спустились к коленям, а затем пробрались под платье к краю чулок.

Так ты и есть, - прошептал Райан, прерывая их поцелуй.

Где твоя спальня?" - услышала Хестер свои слова.

<http://erolate.com/book/1547/48135>